

БОГ РАССЧИТЫВАЕТ НА НАС...

В ЮНЕСКО прошел симпозиум, посвященный творчеству Чингиза Айтматова

Независимая газ. - 1999 - апр. (№8). - с. 10.

Владимир Катин

ОРГАНИЗАЦИЯ Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры — в английской аббревиатуре ЮНЕСКО — провела в апреле в своей резиденции в Париже международный симпозиум на тему о творчестве Чингиза Айтматова. Поводом послужили две круглые даты — 70-летие юбиляра и 40-летие его литературной деятельности. Свообразие чествований, диспутов, обсуждений было в том, что все это вылилось в выражение признательности писателю-философу за его труд. По мнению сотрудников ЮНЕСКО, редко на их памяти случалось, чтобы просторный конференц-зал не вмещал всех желающих — люди стояли даже в проходах. Представители делегаций более двадцати стран сменяли друг друга на трибуне, регламента никто не придерживался, выступления затянулись допоздна, и изможденные переводчики-синхронисты делали умоляющие жесты из своих застекленных кабин, показывая на часы...

Всю собравшуюся на симпозиум публику я мысленно поделил на три категории: читатели-почитатели Айтматова, исследователи его творчества и последователи, продолжатели созданного им оригинального направления в литературе. Основной контингент представляли исследователи-айтматоведы. Всемирно известный (без преувеличения!) писатель, чьи книги, по данным ЮНЕСКО, переведены на 154 языка мира, предстал на этой встрече в новом ракурсе — как объект исследования людьми самых различных профессий. Оказывается, художественные по форме и философские по содержанию произведения Айтматова неоднозначно, по-разному интересуют владыку Питирима и посла Гуниса Монти Бусину, швейцарского журналиста Ханса Кальтененера и японского лингвиста Сокиши Абэ...

Отсюда и появление такого феномена, как *айтматоведы*, которые есть во многих странах мира. Отсюда и появление целого направления в литературе, специального названия которому нет, но, по сути, это сочетание романтизма и реализма. Айтматов как романтик и вошел в литературу в лирическом ореоле: «*Лечу и плачу. Лечу и плачу, заклиная людей и богов — поосторожней с Землей. О, люди, ползете слепча... Что — журавлиные слезы?.. Смахните с лица!*» Или: «*В этом огромном предгорном пространстве у подножия великого Манасового хребта хранилась давно никем не нарушаемая тишина...*» Достаточно вспомнить «*Прощай, Гулсары!*», «*Белый парход*», «*Пегий пес, бегущий краем моря*».

Но постепенно стиль его насыщается более густыми и сочными красками, видение мира, подходы к теме принимают философское обобщение: «*Бог рассчитывает на нас так же, как мы рассчитываем на Него. Но ка-*

ково же Его долготерпение!» На симпозиуме отмечалось, что подобные рассуждения и афоризмы не просто сентенции — это азимут, путеводная звезда для мыслителей, поэтов, художников, для кого уютно, кто ищет познания мира и себя самого.

Одна из оригинальных черт творчества писателя, как отмечалось в стенах ЮНЕСКО, в том, что, беря отдельное событие, он отража-

ет на него особенность творчества Чингиза Айтматова — умение находить в национальном общечеловеческое. Элементы национального — культуры, традиций, типажей — расширяются, становятся близкими и понятными любому жителю планеты.

Вот некоторые оценки творчества Айтматова и его вклада в мировую литературу, прозвучавшие на встрече в ЮНЕСКО... «Идея

ответственности человека перед временем и потомками — главная задача в эстетике писателя... «Как художник он наделен даром улавливать и предощущать самые сложные конфликты, скрытые в потаенных недрах бытия... «Три кита его творчества — реальность жизни, место человека на Земле, древние сказки и легенды... «Образы животных, фольклорные традиции Средней Азии, пыльные степи, высокие горы, холод космоса вместе с интеллектуальным посланием, которое они обрамляют, делают Айтматова одновременно писателем киргизским, русским и общемировым»...

Впечатляющим было выступление самого юбиляра: прозвучал по сути доклад-размышление, в котором писатель поставил ряд острых вопросов — как самому себе, так и обществу в целом: «*Что еще может поднять на свои плечи современная литература, способная ли она совершить на своем пути в конце XX века, обуреваемого переходом от тоталитаризма к глобальной многогранной демократии, способна ли она совершить уникальные открытия духа или окончательно утонет, погрязнет в массовых рыночной литературы? Это большой вопрос...*» В то же время Чингиз Айтматов с надеждой смотрит в будущее:

«*Думается, что процесс глобализации приближает в нашей жизни некий момент истины — новое усиление гуманистических идеалов, интеллектуализацию революции духа наподобие эпохи Просвещения, сдвинувшей мир XVIII века на орбиту действующей цивилизации*».

Париж

Чингиз Айтматов в клубе «Русские звезды». Фото Андрея Никольского (НГ-фото)

ет в нем или через него явления крупномасштабные, порой эпохальные. Рассказывая, например, о трагичной судьбе героя, писатель исподволь, через подтекст обобщения повествует о трагичности мира в целом. Именно трагизм в произведениях Айтматова заставляет задумываться о смысле и цели жизни. И в то же время в его романах и повестях сконцентрированы вечные сущности бытия: человек, жизнь, пространство, время, любовь...

Практически все выступавшие на симпозиуме сходились в том, что другая характер-

